

І тому сучасні дослідження людського мислення насправді ведуться не для розкриття таємниць розуму, а для вдосконалення тієї функції, яку виконує сучасна людина – функції приладку до машини. Хоча схоластично вона і може називатися мисленням, свідомістю, душею.

Література:

1. *Велихов Е.П., Котов А.А., Лекторский В.А., Величковский Б.М.* Междисциплинарные исследования сознания: 30 лет спустя [Электронный ресурс] / Е.П. Велихов, А.А. Котов, В.А. Лекторский, Б.М. Величковский. - Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2071&Itemid=52
2. *Декарт Р.* Первоначала философии / Рене Декарт. Сочинения в двух томах. Т.2. – М. : Мысль, 1989. – С. 297-423.
3. *Деннет Дэниел, Хофштадтер Даглас* Глаз разума [Электронный ресурс] / Даглас Р. Хофштадтер Дэниел К. Деннет – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=130963>
4. *Ильенков Э.В.* Психика и мозг (Ответ Д.И. Дубровскому) /Евальд Васильевич Ильенков. – «Вопросы философии», 11 (1968), - с. 145-154.
5. *Ильенков Э.В.* Философия и культура / Эвальд Васильевич Ильенков. – М. : Политиздат, 1991. – 464 с.
6. *Кайку М.* Майбутнє розуму / М. Кайку. — Львів : Літопис, 2017. – 408 с.
7. *Перлмуттер Дэвид* Кишечник и мозг: как кишечные бактерии изцеляют и защищают ваш мозг / Дэвид Перлмуттер, Кристин Люберг; пер. С англ. Ю. Константиновой. – М. : Манн, Иваов и Фебр, 2018. – 336 с.
8. *Энгельс Ф.* «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» / Карл Маркс, Фридрих Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. – М. : Гос. изд. пол. лит., 1961 г. – Т. 20. – С. 486-500.
9. *Winkler R.* Elon Musk Launches Neuralink to Connect Brains With Computers [Электронный ресурс] / R.Winkler – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/elon-musk-launches-neuralink-to-connect-brains-with-computers-1490642652>

УДК 130.122

Облова Л.А.

Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова

КОНЪЮНКТУРА ПРИНУЖДЕННОГО ДОБРА ЦЕННОСТНЫЙ ОРИЕНТИР СОВРЕМЕННОГО

В статье исследуются причины замены добра как такового «принуждённым добром». И представлены собственные средства «принуждённого добра»: реализация волей исключения добра, отказ от спасения, бытие смерти над нравственностью. Автор берёт за пример алгоритм поведенческой линии А.Печерского – организатора успешного восстания в лагере смерти «Собибор» и А.Эйхмана – офицера СС, заведующего «окончательным решением еврейского вопроса». Показаны разные последствия акта спасения человека в гибельные времена.

Ключевые слова: добро, спасение, смерть, нравственность, подвиг, уничтожение, гибель, ответственность, свобода.

Облова Л.А. Кон'юнктура вимушеного добра. Ціннісний орієнтир сучасника. У статті досліджуються причини заміни добра як такого «набутиим добром». І представлені власні засоби «набутого добра»: реалізація волею виключення добра, відмова від спасіння, буття смерті над моральністю. Автор бере за приклад алгоритм поведінкової лінії О.Печерського - організатора успішного повстання в таборі смерті «Собібор» і А.Ейхмана - офіцера СС, завідувача «остаточним рішенням єврейського питання». Показано різні наслідки акту спасіння людини в згубні часи.

Ключові слова: добро, спасіння, смерть, моральність, подвиг, знищення, загибель, відповідальність, свобода.

Oblova L. Conjunction of forced good. The value of the contemporary. The article investigates the reasons for replacing good as such with "acquired good". And presented their own means of "acquired good": the realization of the will of the exclusion of good, the refusal of salvation, the existence of death over morality. The author takes as an example the algorithm of the behavioral line of O. Pechersky - the organizer of the successful uprising in the death camp "Sobibor" and A. Eichmann - an SS officer, head of the "final solution of the Jewish question." Various consequences of the act of human salvation in pernicious times are shown.

Key words: good, salvation, death, morality, feat, destruction, death, responsibility, freedom.

Сегодня человек вынуждает себя на добродетель не потому, что добро для своего существования неизбежно требует усилий, а потому что занимает положение существа освобождённого от нравственного предела. Способного осуществлять понимание происходящего без морального компонента. Это существо, не бежавшее за пределы последнего ограничения, а отпущенное «нашим временем», в связи с лишением добра безусловности господства. При этом вышло так, что современник, попав в произвол, не избавился от неизбежности «гнёта». Остался обременённым неутолимостью «лучшего» (степенью превосходства).

Проще говоря, буквально воспринимая положение отсутствия добра, современник ограничивается имуществом. Так «обретенное добро» или «достигнутое добро» стало ценностным ориентиром – незыблемой ценностью и напрочь исключило собственно добро.

Проблема предпочтения «хлеба и зрелищ» свободе на сегодняшний день является из разряда пережитых и беспрепятственно отвергнутых. Желание человека вручить свою свободу другому – обуздано. Так сказать, обойдётся великий спаситель без спасения. Из «труднодоступного» выделяется потребность быть всё ещё разумным существом, но существовать не иначе как в придуманном мире. Но не так как гоблин живёт в фэнтези, а реализовывая себя нарочно – исключительной волей «исключения добра». Или, что, то же самое, силой «прозрачности зла». Или его банальности.

Сегодня настолько невозможно различить фальшивого спасителя и настоящего, что ничего не остаётся, как не морочиться необходимостью спасителя и его миссии вообще. Спасение никому не нужно. Пусть могущий спасти сам себя спасает.

Именно повальный отказ от спасителя объясняется напрасностью спасения. Его ненужностью и невыгодностью. Человек руководствуется не столько мотивом избавиться от смерти собственными силами, сколько тягой пропасть.

Если вспомнить случай А.Печерского – организатора успешного восстания в лагере смерти «Собибор» [2], то бросается в глаза «невознагражденность» его подвига. Можно сказать, судьбоносная расплата за проявленное геройство. И то, что Печерского не отметили никакими видными знаками отличия – малость, в сравнении с тем, что герою пришлось искупать вину кровью. А так же жить «невъездным» в стране, которая вместо поощрения устроила пропуск домой через проверочный суд. А благодать спасителя невиновных узников не видна.

Но почему народу сегодня так хочется представить Печерского к награде? И не понятна его «ниспосланность»? Почему думается, что в мирное время, после совершенного в Собиборе поступка, он должен был жить не обычной, а исключительной жизнью? Что распоряжение случая жизни без «вознесения» – наказание? Ведь сам Печерский мог оказаться в стране, где его точно воспринимали бы как героя. И, безусловно, где бы ему отдавали должное в виде привилегий, внимания и заботы. Обеспечили бы особенной жизнью. Но он там не оказался.

То, что человек, совершивший подвиг, оказывается в том месте, которое препятствует раскрутке его поступка – спасение. И само положение невозможности выйти в привилегированность показывает, что только свободный, он же скромный, в силе совершить подвиг и оставить содеянное в покое. Печерский – будучи истинно свободным существом, совершил побег не потому, что испытывал потребность быть приемлемым для тех, кто оказывал сопротивление особым преступникам, а потому что понял, что оказался между смертью и нравственным действием. А им обоим никак не отказать. Сознание неуправляемости своими силами, как смерти, так и нравственного действия, дало силу нравственному действию быть над смертью. И в момент побега показало то, что не было бы видно без его проведения – нравственность может иметь власть над смертью.

Так Печерский не выбрал нравственное действие в противовес смерти, от понимания выгоды бесконечности над конечностью, а поступил разумно в силу существования бессмертия своей души. Он самостоятельно, а не за компанию или ради самовосхваления оказал сопротивление особым преступникам – палачам. И организовал побег, руководствуясь спасением. В его воспоминаниях читаем: «Из бесед со старыми лагерниками и из моих собственных наблюдений я составил себе общее представление о внутреннем устройстве лагерей. Узнал, где находится оружейный склад, гараж, где размещены офицеры. Но меня интересовало главное: что предпринять, чтобы спастись» [2, с. 54].

Что интересно, дело не только в «выживших», а еще и в том, что у непревзойденного (совершенного) врага, появилось позорное место. Нацистам стало настолько стыдно, что Собибор попытались скрыть. Никто не должен был узнать, что они люди – уязвимые существа. А значить творящие не благое дело.

Факт жизни Печерского без наград – свидетельство его неподдельной свободы. Он спаситель по душе – в благодати, и спасся именно в силу безразличности. Уберегая от

«любования» поступком, сама судьба показала, что у Печерского чувство собственной исключительности отсутствовало. Он как все нравственные существа сопротивлялся чудовищному миру. И как все мыслящие действовал ради длительности пространства иного образа жизни. И всё-таки Печерского надо было беречь. Угроза естественного желания толпы избавить героя от необходимого ограничения – «растрепать» всегда есть.

В точности всё наоборот произошло в случае Эйхмана – офицера СС, сыгравшего ведущую роль в уничтожении еврейской нации. Человека, изображавшего спасение хороших людей от демонов. Только в случае с Эйхманом, речь не о том, что на место благодарности судьбы стала её превратность. Дело в том, что тут судьба вообще не замешана. Это проблема конкретного человека. Очередного существа, думающего, что владеет правом на спасение за счет бичевания других.

Может показаться, что Эйхман тоже оказался между смертью и нравственным поступком. Он сам согласился с тем, что сопротивление приказам, даже если они преступные, было бесполезно. Все, что с ним случилось, по его мнению, было предопределено временем. Поэтому, чтобы самому не стать жертвой тех, кто послушался Гитлера – был верным. В силу неизбежности гибели, в случае предательства фюрера, Эйхман действовал в соответствии с возложенными обязательствами. Якобы не из наживы, а спасаясь. В описанном Х.Арендт суде находим, то, что «он постоянно твердил и во время полицейского следствия, и в суде, он исполнял свой долг; он подчинялся не только приказам, он подчинялся закону. У Эйхмана было смутное подозрение, что это различие может стать важным, но ни защита, ни суд никогда с ним этого вопроса не обсуждали. Они обменивались затертыми монетами «вышестоящих приказов» и «государственных актов»; они вспоминали целую дискуссию по этому вопросу» развернувшуюся во время Нюрнбергского процесса, и создавалась иллюзия, что они судят по прецеденту, хотя по сути такого прецедента не было.

Эйхман, обладавший весьма скромными мыслительными способностями, был последним, кто в этом суде мог оспорить эти понятия и выдвинуть свои собственные. А поскольку вдобавок к исполнению того, что он считал обязанностями законопослушного гражданина, он действовал в соответствии с приказами – он всегда тщательно ими прикрывался, – он запутался полностью и в конце договорился до того, что принялся упираться на ценности и недостатки слепого послушания, или, как он сам назвал его, «мертвого послушания» (*Kadavergehorsam*).

Первым указанием на смутное представление Эйхмана о том, что за всем этим кроется нечто большее, чем вопрос о солдате, выполняющем заведомо преступные приказы, было его выступление во время полицейского расследования, когда он вдруг с большой горячностью заявил, что всю свою жизнь следовал моральным представлениям Канта, и в особенности кантианскому определению долга» [1, с. 27].

Апеллируя к тому, что его собственная смерть не остановила бы истории – не спасла бы евреев, легко принимается обывателем. И желание хотя бы быть честным – по-кантиански ответственным – в мире, в который попал, так сказать, достойным и законопослушным гражданином в военное и кровавое время – тоже отличная манипуляция. Но такое не примет думающий человек. С точки зрения Эйхмана, не

свободная воля, а диктат абсурдного времени, заставил его злодействовать. И безапелляционно исполнять приказы человека, в верности которому он поклялся.

Таким образом, сам Эйхман назвал себя невиновным, на том основании, что не принимал решения уничтожать евреев. Он достойный исполнитель – безукоризненный транслятор решений вышестоящего. Так же, он пикировал тем, что нельзя списывать со счетов тот факт, что находился под давлением уничтожения. И, если ничего геройского в таком действии нет, но и вины за верность, как способ побега от смерти, тоже быть не должно.

Но разве спасением руководствовался Эйхман? Не палачеством? Разве ему не прильнуло к душе «предопределённое временем»? А может суть не во времени, а в истории, которую создали определённые люди? Человек, который думает, что после смерти того, кому присягал, сразу освобождается от обязательств во время его жизни, полностью отменяет нравственный закон в себе. Действует всегда так, как действовал в испытании – по зверски, потому что совести не было. Поэтому, Эйхман когда оказался между смертью и безнравственным поступком, сразу сообразил, что как смерть, так и вседозволенность нельзя остановить. Но, тогда как у смерти есть недостаток власти – власть безнравственности превышает любого недостатка.

Таким образом, уловка бесконтрольности безнравственного поступка увела Эйхмана от насильственной смерти. Но такая ставка не отменила её в принципе. Избежав убийства «убийством без убийства» в военное время, глава гестапо по еврейским делам, всё же столкнулся с ним в другой момент. Причем с изыском. То есть, не по велению рока, а в связи с тем, что лично обрёл себя на смерть. Оказавшись в заведомо бесчеловечном положении (обществе Гитлера, помноженного на себя), всецело согласился с происходящим и состоялся на службе «одного и того же», повторяющегося злодея. Всё-таки дал себя казнить.

Ситуация Эйхмана кажется исключительной, оттого, что он, во избежание жертвы, принёс себя в жертву. Оказался замешанным в спасении. И не смотря на то, что только ради себя отдал себя полностью – нельзя не оглядываться на вынесенный (и исполненный) ему приговор. В действительности, предательство личности и действие под видом жертвы – обыкновенное дело. И только выглядит особенно. Как раз скидка Эйхмана на несносное время и показывает, что он думал – спасение как таковое возможно. От зависит таковое от него самого. А это укрепляет заурядность его участия в деле поддержания мира. Эйхман – порченный и только.

А случай Печерского окутывается посредственностью по причине его «неотдачи» себя полностью другим. Не полной, а только «ситуативной» отдачи себя. И провокацией жертв, своим действием (известно, что в результате побега людей погибло больше, чем спаслось). Но Печерский предался спасению как мог – не совершенно, не растворяясь в нём. С точным пониманием его невозможности и безнадежности, но единственности правильного решения освободиться от враждебного мира. Поэтому не ясно, почему совершая акцию спасения, а не спасение как таковое, он не погиб. То есть погиб не он. Думается, что именно верность личности как таковой, а не определённой, хоть и не избегает жертвы, а только ограждает от её грандиозности, не дала Печерскому, как зачинщику спасения, сдаться, пасть и быть подавленным.

Казнь Эйхмана больше приковывает внимание, чем крест Печерского. И люди, поневоле, чаще жалеют удушенного палача, чем незнагражденно спасителя.

Если не придавать значение напускному, тогда утверждается уникальность поступка Печерского. Его независимость от ряда причин и последствий, но сговоренность со всем миром. И «половинность», «прерывность» добродетели Эйхмана. Зависимость от попадания под чью-то волю «непревзойденного» специалиста.

Итак, Печерский сделал то, что может сделать каждый, но совершают единицы – не отменил нравственный закон в обстоятельствах исключаящих совесть. А Эйхман сделал то, что невозможно (запрещено) сделать человеку, поскольку он человек, но что встречается сплошь да рядом. Он легко стал бессовестным, увидев отсутствие совести.

Сегодня нет в живых ни Эйхмана, ни Печерского. Но также мертв вопрос о сложности противостояния неотвратимости. Современник не волнуется по заслугам ли достаётся человеку то, что он стяжает. Вопрос о залоге нравственного порядка миру не идёт в счёт.

Если раньше человек был пленён противостоянием неотвратимости, то теперь освобождён от идеи устроенности мира нравственным устоем. Когда-то человек мучился виной. Ведь, если другого человека обвинить в том, что на тебя обрушилась беда, тогда начинает свою работу упрёк. Происходит снятие ответственности. Так Эйхман восхваляя, обвинил фюрера. И все это ради того, чтобы скрыть свои истинные намерения. Если же обвинить в происходящем себя, тогда приходится исключить абсолютный случай (независимую от себя силу). А значит, совершить излишек ответственности – принести её в жертву и организовать бездарное действие. Поэтому и получается, что человек, который тонет в нападках и замечаниях не привлекателен (повреждён), но ещё «годен». А вот тот, кто во всём виноват – чудовище – не отвечает своим требованиям. Последний подлец.

Поэтому философы снова и снова описывали мир разумных существ, которые сетуют на греховность не конкретного человека, а существующую саму по себе. И выстраивают отношения с учётом испорченности каждого живого существа. Понимая неизбежность неугомонной силы недостатка. При этом неослабно сопротивляясь слабости.

Сегодняшняя расположенность понимать неустроенность мира нравственным устоем – не виток в развитии. И даже не упрёк предыдущему поколению в негодности веры и поступков. Современник не извлёк урока о злодействе, которое возникает из допущения и удержания мысли об объективной заданности мира. Как и раньше надеется, что позитивная сторона вещей само собой возьмёт верх.

Современник без осознания нравственной капитуляции освоился в мысли о неустроенности мира. Поэтому руководим своей беспомощностью. Любую неудачу, как и удачу, сводит к ней. Привык к тому, что не вызывает привыкания и не содрогается от неумолимой тряски. Поэтому может жить и действовать в мире без подлинного добра.

При этом, возможность жизни в мире без подлинного добра, не сродни попытки Эйхмана выкрутиться из серьёзных «неприятностей». На сегодняшний день неприятности (дурное ограничение) – это единственно устраиваемая реальность. Даже родная. И потому только существующая. Современный человек не будет впадать в

отмену онтологического запрета ради спасения жизни – дурно бежать от дурного. Он просто не станет избегать гибели.

Сегодня никто не виноват, так как всё существует без сложности существования последствий (без право-судия или судящего сознания). Без соответствия вообще. Последствия, элементарно, не вызываются, потому что нет действия. Остались «поделки», «выделки», «отделки», «сделки», «переделки». Что-то связанное не с действием, а с осиленным. И, результативно, нет нужды контролировать действия. Счастье в том, что голос морального закона больше не тревожит, а содеянное заранее отменено. Силы нет и спасибо.

Современник испытывает то, что с ним случается «обыскуственнно». Просто перешагивает, думая, что это и есть действие. На его долю ничего не выпадает – ни счастье, ни несчастье. И всё потому, что между ними нет разницы. Точнее говоря, у человека нет силы судьбы – ни полотна для разворота «здесь и сейчас» достоинства, ни ударов, для осознания несовершенства. Поэтому, не то чтобы не удивляет поступок по совести, даже случающееся нарушение не потрясает. Человек не страдает даже в исключительном случае. Не только не отвечает за грехи (неважно, свои или чужие), но ещё и не внимает сознание порочности. Происходящее исчерпывается без переживаний – безучастно истекает.

Таким образом, если ситуация Эйхмана как раз доказывает невозможность половинной добродетели – он всё же понёс наказание, то современник бесстрашием должных последствий доказывает, что единственно возможный способ существования добродетели – «бытие наполовину». Поэтому разрешает себе действовать без оглядки на ответственность. В силу гаранта её несостоятельности. Только не быть безответственным, а понимать, что итак ничего не делается.

Усвоив то, что все эффекты самореализации вытянуты из навсегда исчезнувшего и туда же будут отправлены, человек активизируется на действие не с заниженной оценкой или зависимостью самовосхваления, а стойким чувством напраслины. Забыв о чувстве, пространстве формирования смысла. Поэтому он не совестливый исполнитель, а «незапускающееся существо».

Таким образом, современность отличается остановкой на безответственности и представляет человека, который не в силе ни рискнуть, ни заблудиться, ни пойти на исключительное. Это существо, всецело захваченное разбросом «Я». Соответственно, вера в то, что происходящее есть таким, каким его творит человек, уступила место уверенности в том, что испорченное происходящее – несовершенный мир – не может содержать не иначе как пропадающего человека. Он плох, потому что так обстоят дела и нет смысла требовать избавления от греха.

Литература:

1. *Арендт Х.* Эйхман в Иерусалиме / Х. Арендт – Издательский дом «Европа», 2008 – 56 с.
2. *Васильев И.* Александр Печерский: прорыв в бессмертие / Сост. И. Васильев. – М.: Время, 2013. – 160 с.